

Татьяна Мудрая

ОБЛАЧНЫЙ

ХРАМ

Татьяна Мудрая
Облачный Храм

«Автор»

2013

Мудрая Т.

Облачный Храм / Т. Мудрая — «Автор», 2013

Девочка, рождённая вскоре после второй мировой войны, вспоминает своё детство, мир, одновременно светлый, разумный – и удручающий своей нелепостью, цветущий – и слегка пахнувший гнилью. Проходит через парадоксы физического и духовного взросления. Преломляет существующее через призму своих впечатлений и тех книг, которые довелось прочитать. Книг, которыми и в которых она по преимуществу живёт, впечатлений, которые испытывает по временам как бы не совсем она сама. Наблюдатель самым своим присутствием меняет предмет наблюдения – хотя это сказано отнюдь не о голых фактах, выловленных из омута прошлого цепкой памятью. Не находя прочной защиты у взрослых и сверстников, старших или равных себе, она успешно выдумывает себе броню – и броня становится реальной. Скользят мимо люди – родичи и знакомцы. Летит, всё убыстряясь, время. И, наконец, героиня встречается лицом к лицу с собой настоящей.

© Мудрая Т., 2013

© Автор, 2013

Татьяна Мудрая

Облачный Храм

Каждый человек сотворён из воспоминаний.

Воспоминания соприкасаются с тем, что называется реальной действительностью.

Однако не совпадают с ней целиком и всецело.

Облака в апреле.

При этих словах за горячей лобной костью возникает целая картина: поселковая улочка упирается, как в стену тупика, в ручной сосновый лес. Тротуары из выпуклого – прямо хлебная буханка – клинкерного кирпича вытягли едва наполовину, на рыхлом льду мостовой – глубокие прозрачные колеи, в которых плещется голубая весенняя вода. Дома и домики под железной, крашенной суриком, или черепичной замшелой крышей. И чуть вдали парят, вздымаются над лужами, над домами, над лесом, посреди густой весенней лазури блистательные громады. В точности как на полотнах художника Николая Дубовского, о котором ей пока известно лишь то, что он рисовал с натуры красивые облака. (Надо говорить «писал», только она пока о том не догадывается. И о том, как много разнообразных и куда более плотных образов вместил художник в пространства своих полотен – тоже. Пока у нее в руках лишь тощенькая стопка открыток.)

Град, грады, городки, замки и замки – всё сотворено из яркой белизны. Свинцово-серая краска – не для нас, беременные непогодой тучи вычеркнуты в этом сезоне. Девочка в войлочных ботиках поверх тонких башмаков с перекрещенной, как знаки «морского боя», шнуровкой возвращается из школы, и апрель стирает всю её беду, как ластик – помарки в тетради. Впереди горделивые стены и башни, храмы, купола и притворы воздвигаются, плывут и обрушиваются в истемна-зелёный лесной сумрак. Сфинксы и химеры небесного зверинца пухнут в боках, расплазуются на лоскутья, сливаются вновь и набухают ещё более удивительной жизнью. Если всё живое – лишь помарка за короткий выморочный день, говорил незнакомый девочке поэт...

Ну нет. В детстве день нескончаемо длинен и до краёв насыщен высоким смыслом. В точности как и само детство.

Крошечную, туго запелёнутую в старый шерстяной платок девочку медсестра подносит матери, еле живой от почти двухдневных родов:

– Вот, корми давай свою крикунью. Уёма на нее нету – всех младенцев в роддоме перебудоражила! Сколько на свете живёт – столько орёт.

И тихонько:

– Жить больно уж хочет.

Одиннадцать акушерских месяцев. Четыре с половиной килограмма. Заросшие роднички и чёрный пух на головке, что крепко держится на плечах. Глаза – узкие, тёмные, заплывшие жиром щёлки. Сослуживицы матери будут позже дразнить младенца «гилячкой». Гиляками здесь зовут малый местный народ – нивхов.

– Не удивлюсь, если придется отдавать в школу для неполноценных, – говорит доктор молодому отцу. – Япония с нашим Николаевском совсем рядом, а два года назад там бомбы взорвали. Атомные.

Волосики на черепе скоро выпали, на месте их выросли другие, белокурые. Потом и эти потемнели, но не так сильно. Всё прочее тоже вроде как выправилось.

Отец хотел сына и так был уверен в исполнении своего желания, что даже колыбельную заучил мальчишескую. А переучиваться было, наверное, некогда. Клал девочку головкой на сгиб локтя, баюкал и пел:

Спи, мой сынок,
Берег далёк,
Волны качают
мой челнок.

Я погадаю
Здесь до рассвета —
Много ли рыбы
В сети пойдет.

Я погадаю,
Много ль на свете
Мой мальчик встретит
бед и забот.

Ты подрастешь,
Станешь пригож,
В море с сетями
Сам пойдешь.

Горя не зная,
будешь рыбачить,
Годы удачи
жизнь озарят.

Вот уже тают
призраки ночи:
Спи, мой сыночек,
скоро заря...

Городок Николаевск-на-Амуре 1947 года. Выше двухэтажных райкома и школы нет зданий – прочие дома находятся едва ли не на уровне земли и обнесены забором. Неспроста: где такого забора нет, там легко заблудиться. Ходит рассказ о том, как жена одного поручика выбежала в самом начале пурги бельё с веревок снять – и сильно заблукала. Отыскали через двое суток сидящей на берегу Амура, еле разогнули, чтобы в гроб покласть.

Сам Амур-батюшка – что море, в непогоду на другой берег в лодке переплыть – нешуточный подвиг, не всякий мужчина рискнёт. Вот жёнки выгребались, бывало, когда сугубая беда наставала. Суровая река, могучая волна, но и люди им под стать.

Вся жизнь в здешних местах такая: на грани. Зимним утром прокопаться до нужного места – задача не из легких, да и потом двигаешься как в траншее. Печь в крошечной халупе, где ютятся две семейных пары с младенцем, топится не переставая. На ней и готовят, и бельё кипятят, и воду для мытья внучки греют: только в воде и перестает орать. Ну и тогда, когда потешают ее. Как-то явилась с визитом патронажная сестра – молодая бабушка у печи ведьмой пляшет, крышками от кастрюль гремит, дитя веселит. Удивилась...

И еще дитя молчит – когда кормят. Рот потому что при деле находится.

Летом на толстом слое парного навоза и поверх него – речной, пойменной земли китайский редис вырастает длиной в мужскую ладонь, морковка – с руку до локтя, свекла и картошки – с ребячью голову. За брусникой молодой отец ездит во Владивосток. Горький корень сами

едят, сладким соком дочку и внучку Танюшку выпаивают. Любит очень. Картошку, размятую с молоком, – тоже. Первое в жизни слово – даяй! Дай, то есть.

Второе...

Семи месяцев отроду воткнула в нее мать, отпросившись с работы, сосок – как плюнет! Улыбнулась и чётко так говорит: «Тьфу!»

То есть, выходит, сама себя от груди отлучила.

Дед, по профессии воспитатель юношества, забеспокоился, что кулачки у дитяти некрепко сжимаются. Стал рефлексы тренировать: протянет игрушку – отдёрнет, протянет, а когда девчушка попробует ухватить – снова отдёрнет. Так натренировал, что однажды внучка вмиг скатерку со стола стянула, никто и глазом моргнуть не успел. Хорошо, одна солонка там была, и та пустая да деревянная.

На день кроватку приходилось ремнями пристегивать к стене: дитя в ней вставало на ножки и как на качелях раскачивалось. Совсем по доктору Споку, только тогда он своей книги еще вовсе не написал. Однажды паковались все на отъезд и позабыли про девочку. Ну и кувыркнулась же она – прямо в открытый чемодан головкой! Обернулась, села в мягкое – и смеётся как ни в чем не бывала...

Это они на родину из эвакуации собирались, однако. С трудового фронта.

На пароходе, что много дней подряд идёт вверх по Амуру, палуба скользкая и вся в угольной крошке; девочку, чтобы выглядела чистой, приходится по несколько раз на дню переодевать – резва, непоседлива и неуклюжа. Шлёпнется – не заплачет, только «ох» скажет. Поднимется, коленку потрёт и бежит себе дальше.

В поезде семья устраивается в купейном вагоне: мобилизованный отец, уволенная с почётом мама, мамини матушка с папой. Едут напрямик в град Москву, столицу нашей Родины, которой стукнуло восемь сотен лет и где лет этак восемь назад окоренились многие приволжские родичи бабушки. Весело едут: отпускной полковник играет с ребенком, расспрашивает, нянькается вовсю. Травит остальным байки.

В поезде произошёл первый в жизни девочки непонятный случай. На остановках народ бросался за покупками, поездные двери – разумеется, не той системы, что называется «осторожно-мы-закрываемся», с внутренней пневматикой в две атмосферы, – были приоткрыты. Никто не заметил, что отважное дитя, перекинувшись через дедово плечо, зацепилось пальчиками за тяжелый стальной край. Но когда один из курильщиков зачем-то потянул створку на себя, дед мгновенно вложил в узкую щель свободную от ребенка руку.

– Ценой своего увечья девчонке пальцы спас, – ворчливо заметил отставной военфельдшер, бинтуя дедову руку. – Отрубил бы, как гильотиной, – и привет.

– Не обязательно, – ответил дед, слегка морщась. – Говорят, до двух лет конечности регенерируют почти как у ящериц. Келоидные ткани. Не слышали ничего подобного?

Врач воззрился на деда, как на сумасшедшего. Однако сошло – списали на боль и прочие переживания.

Что сам дед хотел после гимназии выучиться на врача (семнадцатый год, попал в стык времен), да не позволили поповичу из бывших, – мало кто знал.

Московские родичи устроились в столице основательно: сначала наши дальневосточники гостят у одних, потом у других. Одна квартира напротив МИДа, другая на Плющихе; огромные коммуналки с одним небольшим семейством в придачу, похожие на купол потолки с лепниной, мусоропровод на кухне, ванна в рост человека. Буфет, похожий на знаменитый Нотр-Дам-де-Пари, с двумя башенками над резным дубовым корпусом. Один такой у смоленской тети Вали, другой, попроще, у плющихинской тети Тани. Впоследствии экскурсия к родне становится для девочки лучшим приключением: чистая, вкусно накормленная, Танюшка-меньшая сразу

же садится в укромный угол с любой хозяйской книгой в руках и – не слышно, не видно. На редкость спокойный и беспроблемный ребенок...

Почти по Аспергеру.

Но так будет лет через пять. Пока семейство Мудрых-Троицких торопится вить гнездо в тех местах, где нет ограничений на прописку.

В Подмоскowie семейство почти сразу купило четвертушку дома – дед подкопил длинного дальневосточного рубля столько, что и грабительский обмен по схеме «один к десяти» не вполне этот рубль подкосил. Дом стоял рядом с изумительным сосновым бором: когда десятилетия через два он оказался всего-навсего лесопарком, ореол слегка померк. На другой стороне улицы, в лесу, не было никаких строений, кроме узкой шкатулки детского туберкулёзного санатория – один этаж, широкие «венетские» (поселковая терминология) окна, в них по вечерам рыжие огоньки ламп. Поначалу девочка завидовала этим детям, пока не объяснили.

При доме был сарай из досок, поставленных на торец, как принято у североамериканских поселенцев. Пол сарая земляной, в устилавшем его сене летом заводились абитуриенты: приезжали сдавать экзамены в московский институт. Несколько позже в закоулке между сараем и забором появилась уборная. Бегать туда зимой в двадцатиградусный мороз было рискованным предприятием. Для этого висело на вешалке одно пальто и один платок на обеих женщинах, жилет из настоящей ленд-лизной обезьяны и ушанка – для мужчин. Малышку до поры до времени всаживали в помойное ведро – умывальник располагался рядом с обеденно-кухонным столом. Мылись мужчины в бане, женщины – в огромном алюминиевом тазу: одна стоит, другая поливает сверху из лейки. Для Танюшки предназначалась цинковая ванночка и в ней – по пояс тепловатой водицы.

Бабушкина младшая сестра, тетя Валя, певица хора Свешникова, и ее муж дядя Толя приехали из Германии в машине с гудком-грушей. Называется Фольксваген. Привезли дочку Соню и мне в подарок двух немецких кукол, одну на время, другую навсегда. У этой навсегдашней, глаза вращаются и накрываются веками – если снять паричок из настоящих локонов, виден противовес. Глаза сделаны на протезной фабрике, поэтому как настоящие. Тело моложе головки – младенческое, с перетяжками на целлулоидных запястьях. Каждый пальчик, каждая ямочка вытиснены в пластмассе, любой ноготок прорисован как резцом. Мою куклу зовут Маргарита, Рита. Светло-русые волосы, которые можно завивать на тряпочные бигуди, персиковый румянец на щеках, тёмно-голубые глаза под пушистыми ресницами, губки бантиком, изящный носик. Дедушка по моей просьбе шьёт ей приданое: фланелевые башмачки-пинетки взамен лакированных туфелек, простенькие платья, чтобы не трепала дорогое шелковое, и тёплое пальтишко с капором на зиму.

Дед в вечерней школе руководил кабинетом физики. Оттого под разогрев пищи использовали внешний сосуд от калориметра, сплошь эмалированный, с небольшой щербинкой: снаружи коричневый в пупырышках, внутри голубой в синюю крапинку. Думалось – колориметр, такое ощущение от цвета и шероховатости. Лет этак через десять девочка слегка удивляется, получив для опытов на руки настоящий прибор, – оказывается, эта посуда вовсе не для готовки.

Странные для малого ребенка понятия и мысли.

Вот та самая Танюшка, которую научили складывать буквы в четыре года по специальной слоговой методе (снова дедусь постарался), с куклой Ритой, взятой в охапку, лезет на чердак по новой лестнице – толстые ступени, надежные перила – и там читает вузовские учебники. Книжки родительские – отец и мать оставили дочь на бабушку и сами учатся быть учителями. Преподавателями.

Хрестоматия по педагогике: Ян Амос Каменский, Макаренко. Пирогов, Бецкой, Песталлоцци.

Хрестоматия по литературе и искусству. Моцарт и Мольер слегка путаются в разумной головке, оба умерли героически, на сцене или в постели – безразлично: создавая прекрасные образы и вечную музыку.

Это уже корм запойного чтеца. Первая в жизни книга тоже была не совсем детская: про рыцаря Айвенго и красавицу Ревекку. Первый вопрос по тексту: почему мы говорим не так, как написано? «Што», а не «что». «Знатнаво», а не «знатного».

Примат буквы над звуком.

Превосходство выдумки над жизнью.

Священная пара, почти одинаковая с виду: рыжий, как огонь, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле в переводе Заболоцкого (никто не говорит девочке, что тот еще и поэт) и необузданными иллюстрациями Гюстава Доре – пиршество плоти и духа. Голубовато-синий, как вода, «Тиль Уленшпигель» Шарля де Костера (кто догадался дать такую жестокую книгу детям, убрав со страниц самое лучшее – любовь?), – первый опыт ужаса и благородства. Пепел Клааса стучит в сердце Панурга. Живая вода из источника феи Бакбюк врачует истерзанное пыткой тело Катлины. Тиль и Неле совершают паломничество в Телемскую Обитель. Потешный и уродливый внешне Сократ – мудрейший из мудрецов: это он своим варевом из цикуты наводит на влюблённых провидческие сны. Невероятное переплетение сюжетов, верное течение мысли.

Истинные книги не меняются – только становятся глубже. На родных в такой мере положиться нельзя: как-то мама явилась домой без обычных своих косиц, уложенных сзади в тугую «корзиночку», – в крутом перманенте. Еле по платью опознали – шелковое, бордовое, с обильными круглыми пуговками спереди и на обшлагах узких рукавов. То есть это, разумеется, Танюшка так начудила: стоит и говорит: «Чужая тетя пришла». Бабуся тоже бывает разная – то добрая, улыбается во все круглые щечки, покрытые сетью красноватых жилок, то, почти без перехода, – «иди жрать, сволочь». И то, и другое у нее от заражения крови: выдавила прыщик под глазом и чуть не умерла, пенициллина тогда еще не изобрели. Удивительные люди – мама, бабушка и даже папа. Сами меняются, а разговоры их – нет. Так и вертятся вокруг того, какие дрова привезли и хорошо ли уложены в поленницу, что приготовить на обед, чем стирать белье – новым куском вонючего стирального мыла или обмылками – и какие сны тебе снились во время дневного отдыха. Да никакие: Танюшка не умеет спать при свете. Лежит в кроватке и потихоньку выдергивает петельки из домодельного ковра – олень с короткими, без коленок, ногами, с черно-алым, соблазнительно ярким носом.

Зато по вечерам так страшно, что девочка не хочет ложиться: сидит в кроватке и падает туда без сил, когда заснёт. Тот, кто постоянно гоняется, – людоед из мультика про Мальчика-с-Пальчик. Чтобы он тебя не схватил, нужно быстро найти одеяло, а попадают все какие-то пояса и галстуки. Или вот ещё вариант: изо всех сил удариться головой о дерево или камень, а они, как на грех, будто из резины. Тогда, может быть, из одной хмари перейдешь в другую по каким-то черно-зелёным спиральям и сполохам, и новый сон будет, если повезёт, мирным...

Даже без пожара в нём. Из-за программ типа «не давайте детям играть спичками», которые постоянно показывает их телевизор «Т2-Ленинград», Танюшка панически боится зажигать любые домашние приборы: в равной степени наяву и в мечтах. (Это удержится класса до девятого и мало-помалу пройдет после грандиозного конфуза, когда на уроке физики девушка не сумела зажечь спиртовку.)

Вот еще спасение от кошмаров: в полусне вообразить, что ты ложишься в ноги дедушке с бабушкой, что спят тут же, в узкой, пеналом, каморке. Наяву это запрещено, слишком узенький и короткий у них диван, тем более что дед встает ночью – проверить, не наносит ли угаром от накормленного ввечеру печного зева.

Риту класть рядышком в постель тоже не дают: говорят, взрослеть пора.

Как-то летом она меня, по-моему, подговорила на бунт. Отомстила по-своему. Незадолго до сна и до того, как домашние кончили обедать, я потихоньку удрала ко входу на двор. Там был такой коридор, заросший малинником, в конце ворота и калитка, больше ничего. И бузинное дерево – из него получались дудки для стрельбы бузиновыми же зеленоватыми цветами или желто-красными, ядовитыми на вид плодиками. Джунгли на четыре с половиной сотки. Я почему-то думала – меня вообще не найдут, так и проживу. Ну конечно, из сарая, где была летняя кухня, керосинки там, яма в земляном полу вместо ледника, моим родичам было видно всё: и как я вцепилась в калитку, и как все мимо проходящие жители здоровались со мной и Ритой. Потом я еще удивлялась, отчего меня никто не заругал. Тут, наверное, дедусь помог. Вот он был как книги – в самом главном не менялся. Каков на той старинной фотографии, где он с красавицей мамой и пышнокозой сестрой, таков и сейчас – только лет в шестнадцать очки прибавились, в сорок – аккуратная лысинка.

Ну, укладывать меня, чтобы отбыть каторгу, больше не пробовал никто.

И жуткие сны мало-помалу смягчились, прекратились, сменившись *вялотекущими кошмарами*. Термин – это называется *термин* – очень кстати отыскался в словаре по школьной психологии.

Лет пяти-шести девочка успокаивается и начинает принимать жизнь такой, как она есть. Правда, с чего-то правый глаз косит сильнее обычного – и когда знакомый врач догадывается попросить шестилетнюю Танюшку поглядеть на действительность каждым глазиком попеременно и по отдельности, обнаруживается, что девочка наполовину слепа. Ну, *почти* наполовину... Небольшая близорукость, еле заметная глухота.

Странное устройство тела.

Ей необходимо почти постоянно двигаться взад-вперед – на качелях, чего боится и не допускает бабушка, в гамаке, круглый год, даже зимой, подвешенном на двух столбах для бельевой веревки. На крыльце и верхотуре чердачной лестницы, держась обеими руками за ограждение площадки. Сидя на кушетке. Бабушка утверждает, что оттого преждевременно разовьётся половое чувство, и гоняет девочку с места на место. На самом деле это с самой бабушкой может случиться истерический припадок – от одного вида раскачивающегося маятника старинных часов: поэтому в доме не держат никаких «тик-таков» помимо пружинного будильника. С Танюшкой не происходит по видимости ничего плохого: даже наоборот. Сочинения в школе будут писаться по новоизобретённому методу прекрасно: мысль концентрируется, становится прозрачной и тяжкой, будто хрустальное стекло.

Станный, будто инопланетный, выговор.

Труднейшее «Р» выговаривается с первого же раза, а твердое «Л» остаётся искажённым до конца жизни: плохой слух не даёт возможности скорректировать произношение. То же самое происходит и со всеми прочими согласными – взрослые вежливо именуют это «акцентом», мальчишки дразнятся шепелявой уродкой.

Станные занятия.

В середине января наряжать отслужившую свой срок и выставленную на двор ёлку в разноцветные ледяные игрушки, которые так хорошо умеет делать дед: подкрашивает воду в формочках для песка и вмораживает туда петельку из ниток.

В ясные дни февраля восседать посреди двора на сплоченных из горбыля щитах – соседка, та самая, со свиньями и еще с коровой, которую то и дело запускает во двор через калитку, проела домашним все печёнки. Оттого домашними решено заменить штaketник сплошным забором: хоть матом ругаться перестанет, едва завидя ребенка. Вообразить себя мореплавателем, открывателем обеих Индий и Австралии в придачу.

В марте, когда солнце колесом играет в небе, а снег оплывает и течёт, пробивать ломиком и железной лопатой каналы для спуска воды, с бульком капающей из-под сосуллек. Воды сладкой

и невероятно чистой, которая длинным винтом крутится в узких канавках, унося сделанные из корья и щепок лодки. Как лоцман весны.

В апреле – граблями чистить двор от сухого листа, травы и мусора, что набился в бывшую клумбу с астрами – взрослые опорожняют туда ведро с помоями и кожурой. Потом отец поджигает костёр, и сладкий весенний дым плывёт над чистой, еще не одетой в новую кожуру землей, забивается в ноздри и волосы.

Странные вопросы.

В мае, по дороге из поликлиники домой – выверенный ритм шагов, позволяющий как следует думать, слегка отсутствующий взгляд – Танюшка внезапно спрашивает маму, успешную студентку пединститута: «Зачем мы все живём?» Малость ошалевшая родительница отвечает впопыхах: «Ну не кончать же нам самоубийством, если уж на свет родились».

Июнь, созревание зелёного цвета. Я не двигаюсь, но нам с Ритой кажется, что площадка чердачной лестницы, с двух сторон огороженная перильцами, плывёт в тёплом томном воздухе надо всем моим миром. Потому что когда я здесь и слегка раскачиваю верхнюю часть тела, взявшись обеими руками за поручни, земля принадлежит мне, я останавливаю ее на вдохе и делаю живой и видимой, когда выдыхаю вместе с воздухом. Только нельзя, чтобы кто-нибудь из взрослых подглядел: им никак не приходит в голову, что всё вокруг живет как лампочка в море переменного тока – потухая и загораясь. Про лампочку сказал дедусь: когда показывал мне самодельные диафильмы на бумажной ленте. Весь фокус в том, что ленту надо каким-то хитрым образом приложить к рыжему абажуру, а это получается только у него одного, потому что он знает про переменство и постоянство электричества и всего... ой, надо говорить переменчивость, наверное? А еще он рисует подвижные фигурки прямо на остатках отрывного календаря – такой пачечке, крепко замкнутой в железную скобку.

А вот мои корабельные сосны – они в каком ритме живут? Два огромных дерева, они словно сошли с репродукции Шишкина? Когда меня выпускают на улицу, я первым делом бегу к ним, касаюсь ствола одной, ствола другой сосны руками, будто хочу соединить. А потом сажусь ровно посередине – играть с травой в колоски. Это называется «петушок или курочка» – смотря как удастся собрать семена со стебля ведя по нему снизу вверх: плоской метелкой или хохолком. Хохолок, петушок почетнее, но у меня постоянно выходит курица. Мокрая...

Мокрый луг, на котором ребятишки, мои уличные приятели, пробуют перевернуться через голову. У меня никак не выходит, но это потому, что я знаю: если перекинешься ловко и правильно, попадешь в совсем другой мир. Такой, где будет всё как здесь, но по-настоящему отмытое от грязи. Но мне такого не дано, а другие и вовсе не пробуют и не умеют... Вращаются в одном и том же.

Тысяча девятьсот пятьдесят третий год. Смерть великого вождя народов.

Тогда меня два раза в неделю возили к ото-ларин-гологу в дом рядом с Красной Площадью, такой большущий и в виде вытянутого кольца, спринцовкой дули в уши, отчего становилось неприятно, и кололи в попу витамином алоэ, чтобы поправить слух. Отчего-то день похорон я помню как сплошное путешествие по крышам в сторону Красной Площади, а слуховая поликлиника, конечно, не работала. Не понимаю – этого ведь не могло случиться с такой дошколяшкой?

В пятьдесят четвертом году поезд с паровозом впервые везёт семейство на Кавказ, по дороге девочка не отлипает от окна – так чудесно бьёт в лицо ветер с привкусом угля и дыма. Только через туннели проезжаешь – сразу надо захлопывать откидную створку, чтобы не дышать чистой копотью. Еда дешёвая и вкусная: бабушка впервые покупает на станции

варёную курицу, одну на всех. Танюшке достаётся верхняя часть окорочка. Отец шутит по-украински: «Прокляты нижки повыше колинца». В поговорке должно быть наоборот, пониже коленца – оттого, что кура грязь разгребала, первому Адаму глаза застила, но это ведь шутка. Девочка убеждается, что дорога куда лучше ее окончания, хотя Чёрное море – это чудо. Здесь так легко выучиться плавать, хотя до этого она чуть не утонула, во всяком случае – едва не нахлебалась воды по ноздри: хотела на четвереньках доползти до папы, что стоял в воде по пояс и с кем-то разговаривал. Сюрприз сделать. Ну, подхватили ее, конечно, подняли из волны, что перевернула навзничь. Зато стала вовсе без страха и с той поры плавала в море как пробка. Куда и как угодно – отдыхать можно на спине, только знай следи, чтобы тебя шибко не сносило в сторону от берега. И быть очень спокойной.

А в следующем за августом сентябре – школа.

Коричневые платяца и белые фартучки с оборками на плечах. Серые штаны и гимнастерки с ремнем китовой кожи и гербовые фуражки. Чёрные с бежевым парты, липкие от свежей краски, – на сидении каждой расстелена газета, чтобы не выпачкаться. Крышки хлопают всякий раз, как встаёшь. Перед первым уроком – линейка, и Татьяна инстинктивно сторонится прикосновений чужого локтя: вторжение в личную сферу. Но учительница, Зинаида Ивановна, – очень красивая: чёрные кудри, круглые карие глаза. Когда девочка пытается передать свои чувства родителям, на язык приходит одно слово: «благоговение».

Через полгода от благоговения остаются сплошные ошмётки. Первая ссора: когда «вид скворешника сбоку» Татьяна изображает прямыми линиями, а учительница настаивает на том, чтобы отразить изгиб на месте просверленной дырки. Потом девочке не прощают ни одной кляксы, на которые так скоро перьевая ручка, умокнутая в чернильницу с фиолетовыми мухами; ни одного разрыва между буквами – сказывается привычка к «печатному» письму; и ни одного рационального решения по арифметике. Да и читает она вслух прямо-таки позорно, спотыкаясь на каждом слогe: язык никак не поспекает за глазом, который в две секунды ухватывает всю набранную крупным шрифтом страницу.

Тихая пикировка продолжается ровно три года, перемежаясь иными занятиями. Физкультурный зал – туда постоянно наносит пряные ароматы из туалета на семь очков (кабинка для учителей отдельная, с дверцей и куда чище). В глубине дырок копошатся червяки – Мишка, сосед по парте, называет их опарышами и говорит, что Татьяна Мудрая с ее надетым на нос велосипедом на них похожа. Учитель рисования во втором классе – зануда и педант, но насчет прямой перспективы и трёх проекций соображает туго, а именно в этом Мудрая на коне: природный ущерб компенсируется щедрым пространственным воображением. Вот перья у воробья может нарисовать широкой частью вперед, но все равно получает «отлично»: чтобы сдать учителю нарисованное за урочные сорок пять минут, надо подняться с места, к которому ученица будто прикипела. И когда она кладет своего храброго воробышка на стол и возвращается, весь класс и сам получатель видят сзади на форме зловещее желтоватое пятно, а на сиденье – такую же лужицу: в прошлый урок, которые вела та самая Зинаида, третьеклассницу не пустили в туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.